
LIBRARY OF CONGRESS
00003868011


THE LIBRARY OF CONGRESS


THE LIBRARY OF CONGRESS

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ

СБОРНИКЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ,

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПЯТКОВСКАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1863

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ

СБОРНИКЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ,

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 10 Ноября 1862 г.

Въ типографіи Рюмина и К°.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Когда крымская война нарушила глубокую тишину въ Россіи, множество патріотическихъ стихотвореній появилось и прогремѣло на болѣе или менѣе воинственные лады въ нашей литературѣ. Въ нихъ, увлекаясь патріотизмомъ, поэты рисовали намъ цвѣтущее состояніе Россіи, готовой возстать поголовно за честь родины, пророчили гибель союзнымъ народамъ и, вдаваясь глубже и глубже въ полемику, все ревностнѣй нападали на людей и идеи, отъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, грозила бѣда отечеству. Мы помнимъ одно стихотвореніе, весьма распространенное, въ которомъ авторъ презрительно трактуетъ—

.....антропологовъ, филантроповъ
И разный окаянный сбродъ.

Но изъ всѣхъ стихотвореній, написанныхъ на *восточныя событія*, возбудили сочувствіе въ обществѣ и пережили эфемерный срокъ минуты только тѣ, которыя заговорили о нихъ послѣ войны, коснулись интересовъ другаго рода, бывшихъ болѣе или менѣе ея послѣдствіями и вообще отнеслись къ нимъ не оффиціальнымъ, условнымъ или мнимо-народнымъ тономъ, а въ совершенно противоположномъ духѣ. Долгое самообольщеніе, боязнь гласности въ темныхъ сторонахъ русскаго быта естественно нарушились послѣ войны самымъ крутымъ переходомъ къ противоположному

направленію, обличавшему эти темныя стороны во имя новыхъ идеаловъ общественной жизни. Въ разгарѣ этого обличенія, иногда мелкаго и трусливаго, въ русской литературѣ проявились однако тѣ новые элементы, которые сдружили, связали ее съ обществомъ, увидавшимъ въ ней дѣйствительное отраженіе своей внутренней жизни. Русская журналистика, представляющая собой жизненный нервъ нашей литературы, дѣйствительно составляетъ теперь не роскошь, а прямую потребность всей сколько нибудь развитой массы, хотя передъ ней и лежитъ еще не мало ступеней, чтобы взойти на ту высоту, на которую время и болѣе развитая гласность поставили ее въ образованнѣйшей части Европы. Нѣтъ спора, что вся сила этого новаго движенія русской литературы заключалась, на первыхъ порахъ, именно въ отрицаніи ложныхъ условій нашего быта, въ разбиваніи старыхъ оковъ рутины и невѣжества: мы, до сихъ поръ, несильны въ постановкѣ новыхъ началъ, въ пріисканіи новыхъ формъ для нашей общественной и государственной жизни, хотя уже согласно признали ея первыя потребности и ближайшія нужды — на сколько можно усмотрѣть такое согласіе изъ нашей современной печати.... Но въ этомъ особенномъ характерѣ, въ недостаткѣ положительныхъ элементовъ также странно упрекать нашу литературу, какъ напр. пенять на природу, что она, въ своемъ органическомъ развитіи, не производитъ бабочекъ раньше куколки. Время и благопріятныя обстоятельства сами приведутъ литературу къ новому фазису въ развитіи, давъ ей возможность высказать откровенно и *положительно* все то, что говорится и теперь, но неясно и сбивчиво, вслѣдствіе стѣснительныхъ условій публичной рѣчи. Русская журналистика, до сихъ поръ, еще не имѣетъ въ себѣ той нравственной выдержанности и разсудительности, того спокойствія и сознанія собственнаго достоинства, которыя составляютъ несомнѣнный признакъ прочной и увѣренной въ себѣ силы. Она часто бранится изъ пустяковъ, вол-

нуется и борется изъ ничего,—но ктожъ броситъ въ нее камень за то, что она часто не имѣетъ возможности выразить иначе накипѣвшую душевную боль?

Предоставляя другимъ—собрать въ отдѣльные сборники прозаическія произведенія русской литературы, выражающія собой новый моментъ въ ея развитіи, я взялся представить читателямъ родъ краткой христоматіи, гдѣ были бы собраны лучшія произведенія новѣйшихъ русскихъ поэтовъ, носящія на себѣ печать истинной любви къ родинѣ и гражданскаго служенія ея благу. Безъ такого служенія невообразима соціально-развитая литература: это одинъ изъ ея движущихъ элементовъ, живой сокъ, притекающій изъ нѣдръ общественной жизни. Художникъ пользуется имъ различно, смотря по степени своего таланта; но, какъ элементъ и движущая сила для вдохновенья, гражданскій мотивъ въ поэзіи присущъ тому обществу, которое доросло уже до пониманья своей соціальной жизни, гдѣ есть уже люди, носящіе на своемъ тѣлѣ «всѣ язвы родины своей». Въ эпохи, такъ называемыя, *переходныя*, когда всѣ силы страны напряжены и живутъ лихорадочной жизнью въ ожиданьи благодатныхъ, обновляющихъ реформъ, гражданское обличенье возвышается до поэтически-вдохновенныхъ дифирамбовъ.—Быть можетъ, предлагаемый сборникъ послужитъ отчасти и разъясненію современныхъ задачъ русской критики. Спорятъ объ искуствѣ, объ его цѣляхъ и назначеніи... Но многіе забываютъ при этомъ одну простую и важную истину: поэзія, какъ сила, вѣчна и присуща человѣческому духу; но ея временныя проявленія, ея преходящія формы измѣняются сообразно требованіямъ человѣческаго развитія. Было бы невозможно появиться теперь Гомеру съ его младенческой вѣрой въ боговъ преисподней: не даромъ же трудилась наука и выработывались положительныя познанія. Не трудно прослѣдить въ исторіи, какъ измѣнялись формы и даже цѣли поэзіи подъ вліяніемъ общественной

жизни. Когда идея католицизма управляла средневѣковымъ міромъ— Дантъ написалъ Божественную комедію. Явились Бэконъ, Спиноза, Вольтеръ; зашумѣла французская революція, звуки marçellaise проникли за неприступныя стѣны феодальныхъ замковъ—и тѣ же самые Данты пишутъ «Разбойниковъ», «Фауста», облекаются въ мрачную тогу Байрона и идутъ умирать за свободу порабощенныхъ народовъ.

Что касается до самаго выбора и размѣщенія стихотвореній въ этомъ сборникѣ, то внимательный читатель легко усмотритъ, что всѣ они избраны не безъ основанія и размѣщены не безъ нѣкоторой внутренней связи и послѣдовательности. Сводя одно къ другому стихотворенія близкія между собою по духу или содержанію, я старался при этомъ уловить, въ постепенномъ порядкѣ, различныя движенія общественной мысли, переходившей въ своемъ прогрессивномъ ростѣ отъ радужнаго оптимизма къ болѣе строгому взгляду на окружающій бытъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что я не обращалъ никакого вниманія на имена авторовъ и ихъ, такъ или иначе сложившуюся, литературную извѣстность; но бралъ изъ нихъ только то, что прямо соотвѣтствовало цѣли и плану моего сборника. Такимъ образомъ, смысломъ моего сборника нельзя характеризовать поэтическую дѣятельность всѣхъ помѣщенныхъ въ немъ авторовъ: многіе изъ нихъ только изрѣдка брались за темы съ гражданскимъ характеромъ, преимущественно посвятивъ себя, подобно г. Тютчеву, разработкѣ многообразныхъ явленій нашей внутренней жизни, или углубившись, подобно г. Щербинѣ, въ художническое созерцаніе красотъ природы. Словомъ, не имѣя въ виду никакой характеристики авторовъ, я довольствовался здѣсь комбинаціей различныхъ произведеній, вызванныхъ, какъ мнѣ кажется, одинаковымъ процессомъ душевныхъ ощущеній поэта. Всѣ, безъ исключенія, пьесы, помѣщенныя здѣсь, были уже напечатаны въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

А. Пятковскій.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ПРЕЖНЯГО ПЕРІОДА.

Опять тоска! опять раздоръ!
Знакомыхъ думъ знакомый споръ!
Давно ли я мечту спровадилъ,
  На мирный строй себя наладилъ
И самъ повѣрить былъ готовъ,
  Что жизнь права, что я доволенъ...
И вотъ опять я боленъ, боленъ,
  И для тоски не знаю словъ!
И скажутъ мнѣ — и знаю самъ —
  Что безполезенъ ропотъ намъ,
Что жизни путь призванью вѣренъ,
  Что мудрый ходъ ея измѣренъ.....
Все это вѣдано давно!
  Все мной самимъ или друзьями,
Разъ двѣсти, прозой и стихами,
  На всѣ лады повторено.
Все это сердца не миритъ!
  Душа въ огнѣ, душа горитъ,

Она насилью ждетъ отпора,
Ей нужно воли и простора: —
Всѣ силы въ подвигъ положить
Велитъ ей духъ неугомонный.....
Души мятежъ и бунтъ законный,
Безплодны вы!... Но такъ и быть!
Безплодна ты, тоска моя,
Твою законность слышу я!
Не грезъ обманъ въ туманной дали
Виною скорби и печали,
Но гибель силы молодой,
Но гнетъ того, что духъ возноситъ,
Чего душа безумно проситъ —
Служенья истинѣ живой!
Молчи же, умникъ! твой совѣтъ
Давно знакомъ мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ.
Всегда въ трудѣ, съ судьбой не споря,
Я празднымъ днемъ не тѣшилъ горя,
Но сердце тщетно вдалекѣ
Восхода утра ожидало....
И нынѣ силъ моихъ не стало —
Я волю далъ моей тоскѣ!
Но я предѣлы наложу
Души святому мятежу;
Примусь, смиряя пылъ душевный,
За мелкій трудъ мой ежедневный,
И побредетъ со мною онъ
День за день, шагомъ, до могилы ..
Есть силы, Боже!.. гибнутъ силы!
Есть пламень честный... гаснетъ онъ!

И. Аксаковъ.

ДРУЗЬЯМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, съ добра желаньемъ.
Съ любовью, съ поэтической мечтой.
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья, средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты, —
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ и образовъ и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И чтоже?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?.. Смиренье въ душу вложимъ
И въ ней затворимся—безъ жолчи, если можемъ.

Н. Огаревъ.

ГОРЬКІЯ СЛЕЗЫ.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,

И вотъ проснулась совѣсть—мститель
И жжетъ лицо огнемъ стыда.
Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ не спалъ я ночь —
И все молчалъ и все боялся
И никому не могъ помочь.
Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ и погибалъ,
Я закрывалъ лицо руками
И плакалъ, плакалъ—и молчалъ.
Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша,
Подъ пыткою негодованья,
Молчала рабская душа.
Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
Тропой пробитою я шелъ,
Святую личность человѣка
До пошлой мелочи низвелъ.
Ты-ль это жизнь къ добру съ любовью,
Плодъ мысли, горя и борьбы?
Увы! отмѣчена ты кровью,
Насмѣшка страшная судьбы!

И, Никитинъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Прочь, коршунъ! больно, подлый рабъ,
Палачъ Зевеса!.. О, когда-бъ
Мнѣ эти цѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно бъ руки сжали
Тебя за горло! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній
И вѣтеръ жалобно завылъ
И прочь рванулся что́ есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный.
Испуга барсъ не превозмогъ —
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ
И море дальнее о скалы
Дробяся, глухо застонало...
Одинъ спокоенъ царь небесъ —
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!

Завистникъ! Онъ забыть не можетъ,
Что я творецъ, что онъ моихъ
Созданій ввѣкъ не уничтожитъ;
Что я съ небесъ его для нихъ

Унесъ огонь неугасимый...
Ну чтоже, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ —
А все жъ людей я создалъ! твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердцѣ рану —
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный—укоръ
Родитъ въ душàхъ моихъ созданій;
За даръ томительный страданій
Дойдутъ проклятья до небесъ —
Къ тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье,
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою.

Н. Огаревъ.

РАЗДУМЬЕ.

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоски болѣзненной и безотрадныхъ думъ,
Когда–жъ минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?
Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ,
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.
Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты,
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.
И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій
На жизненномъ пути растратилъ много я,
Но средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній,
Чтожъ обрѣла, въ замѣнъ всѣхъ грезъ, душа моя?
Увы! Лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
Да убѣжденіе въ безплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады у судьбы.
И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила
Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью все таки разстаться было-бъ жаль,
И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотритъ въ даль.

А. Плещеевъ.

ВОЙНА И МИРЪ (*).

Смотришь порою на царства земли—и сдается:
Ангелъ покоя по небу надъ міромъ несется.
Все безмятежно, безбранно; трудится наука,
Знаніе дѣда спокойно доходитъ до внука.
Въ битвѣ съ невѣжествомъ только хватая трофеи,
Борется умъ человѣка и копитъ идеи;
Мысли крыло распускается шире и шире.
Смотришь и думаешь: есть человѣчество въ мірѣ.
Выросли дѣти, шагая отъ вѣка до вѣка,
Время и мужа увидѣть въ лицѣ человѣка.
Мало-ль онъ тяжкихъ, кровавыхъ свершилъ переходовъ?
Надо жъ осмыслиться жизни въ семействѣ народовъ!
Только что эдакъ подумаешь съ тайной отрадой—
Страшное зло возстаетъ необъятной громадой;
Кажется, демонъ могучимъ крыломъ замахнулся

(*) Стихотвореніе это произвело, въ свое время, большое впечатлѣніе на публику. Оно было *первымъ* произведеніемъ въ этомъ духѣ и, какъ новинка, сильно привлекало читателей. *Прим. изд.*

И пролетѣлъ надъ землей: цѣлый міръ покачнулся;
Мнится, незримая смертными злая комета,
Тайнымъ вліяньемъ нарушивъ спокойствіе свѣта,
Вдругъ возмутила людей, омрачила ихъ разумъ:
Звѣрствуютъ люди и кровію налитымъ глазомъ
Смотрятъ одинъ на другаго и пышутъ убійствомъ,
Божій даръ слова дымится кровавымъ витійствомъ;
Мысли божественный даръ углубленъ въ изысканья
Гибельныхъ средствъ къ умноженію смертныхъ терзанья.
Брошены въ прахъ всѣ идеи, въ почетѣ гремушки,
Проповѣдь мудрыхъ молчитъ, проповѣдуютъ пушки;
И опьянѣлые въ оргіи дикой народы
Цѣпи куютъ себѣ сами во имя свободы,
Чествуя въ злобѣ своей сатану—душегубца,
Распри заводятъ во имя Христа—миролюбца.
Злобствуетъ даже поэтъ, сынъ слезы и молитвы:
Музу свою окуривъ испареньями битвы,
Опіумъ ей онъ подноситъ—не нектаръ; святыню
Хлещетъ бичемъ, стервенитъ своихъ пѣсенъ богиню;
Судорогъ полныя, бьютъ по струнамъ его руки:
Лира его издаетъ барабанные звуки.
«Бейтесь»! кричатъ сорванцы, притаясь подъ заборомъ.
И поражаютъ любителей мира укоромъ,
Сами жъ достойные правой, прямой укоризны,
Ищутъ поживы въ утробѣ смятенной отчизны.
Если жъ благой межъ людьми проповѣдникъ возстанетъ
И поучительнымъ словомъ евангельскимъ грянетъ,
Скажетъ: «покайтесь! исполнитесь духомъ смиренья»!
Всѣ на глашатая грозно подъемлютъ каменья,
И изъ отчизны грабителей каждый вострубитъ:
«Это домашній нашъ врагъ! Онъ отчизны не любитъ»!

Развѣ лишь нѣдръ ея самый смиренный снѣдатель
  Скажетъ: «оставьте! Онъ жалкій безумецъ—мечтатель.
Что его слушать! Въ безумьи своемъ закоснѣломъ
  Пѣсни поетъ онъ тогда, какъ мы заняты дѣломъ».
Боже мой! Боже мой!—Думаешь: грусть и досада!
  Жаль мнѣ тебя человѣчество, бѣдное стадо!
Жаль... Но окончена брань. По домамъ ратоборцы!
  Слава, Всевышній, тебѣ: есть Цари—миротворцы.

В. Бенедиктовъ.

ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ ГАЗЕТЪ.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
  Что̀ намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ
Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
  Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.
Отчизну я люблю глубоко и желаю
  Всей полнотой души—цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю:
  Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.
Разсказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
  Восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь,
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
  Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь,

Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
Чтобъ позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью.

А. Плещеевъ.

ТИШИНА.

(отрывокъ.)

Свершилось! Мертвые отпѣты,
Живые прекратили плачъ,
Окровавленные ланцеты
Отчистилъ утомленный врачъ.
Военный попъ, сложивъ ладони,
Творитъ молитву небесамъ
И севастопольскіе кони
Пасутся мирно... Слава вамъ!
Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
Вы были въ сѣчахъ роковыхъ
И, какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
Мѣняли всадниковъ лихихъ.

. . . .

Война молчитъ—и жертвъ не проситъ,
Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,

Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!
Молчитъ и *онъ*... какъ трупъ безглавый,
Еще въ крови, еще дымясь;
Но небеса, ожесточась,
Его снесли огнемъ и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло,
Передъ одной... такихъ громовъ
Еще и небо не метало
Съ нерукотворныхъ облаковъ!
Въ ней воздухъ кровью напоили,
Изрѣшетили каждый домъ
И вмѣсто камня намостили
Ее свинцомъ и чугуномъ.
Тамъ по чугунному помосту
И море подъ стѣной течетъ,
Носили тамъ людей къ погосту,
Какъ мертвыхъ пчелъ, теряя счетъ.
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругомъ пустыня,
Могилы... Люди въ той странѣ
Еще не вѣрятъ тишинѣ,
Но тихо... Въ каменныя раны
Заходятъ сизые туманы
И черноморская волна
Еще тепла, еще красна,
Бездушно въ берегъ славы плещетъ...

Н. Некрасовъ.

БИТВА.

(Отрывокъ).

. . . .
И открылось зрѣлище предъ нами:
Крѣпкій городъ рати облегали
И полки сшибалися съ полками;
Свѣтъ огня или сіянье стали
Затмѣвались дыма облаками;
Кони пыль копытами вздымали,
Ядеръ дождь и розсыпи картечи
Прорывались сквозь средину сѣчи.

—

Съ грохотомъ сливались вопль и стоны,
Громъ сливался съ барабаннымъ боемъ,
Натискъ, равный съ силой обороны,
Неподвижнымъ оставался строемъ;
Но въ штыки ударивъ батальоны
Напирали съ криками и воемъ
И, въ бою смѣшавшись рукопашномъ,
Бились молча, но въ молчаньи страшномъ.
Черепа̀ трещали и хрустѣли,
Прыскалъ мозгъ въ лицо бойцамъ и въ зрѣнье,
А штыки въ костяхъ груди звенѣли;
Стыли руки въ мертвомъ цепенѣньи

И уста кровавыя шипѣли,—
И какъ длился этотъ пылъ смятенья,
Пронеслися ядра надъ бойцами,
Ихъ покрывши дымными клубами.

—

И невольно отвратилъ я взоры—
Имъ картина видѣлась другая:
Жители бѣжали скрыться въ горы,
Свой очагъ домашній покидая,
Гдѣ засѣли грабящіе воры,
Достоянье гражданъ расхищая;
А пожаръ тлетворный въ пепелища
Превращалъ родныя ихъ жилища.

—

Волновалась даль смятеньемъ бѣга,
Конь скатился съ крутизны со вьюкомъ,
Опрокинулась съ дѣтьми телѣга;
Тамъ бредетъ, ведомый юнымъ внукомъ,
Старецъ съ бородой бѣлѣе снѣга.
Тамъ больной, послѣднимъ преданъ мукамъ,
На плечахъ у сына умираетъ,—
Потерявъ младенца, мать рыдаетъ...

—

Я гляжу—и мнѣ подумать стыдно,
Что живемъ мы въ варварское время,
Что поруганъ человѣкъ обидно,
Что гніетъ напрасно духа сѣмя

Въ почвѣ жизни жалкой и постыдной,
И за племенемъ проходитъ племя,
Только землю удобряя тукомъ,
Чтобъ росла изъ дѣдовъ пища внукамъ.

Н. Щербина.

---

* * *

Была пора, своихъ сыновъ
Отчизна къ битвѣ призывала
Съ толпой несмѣтною враговъ—
И рать за ратью возставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.
Но смолкъ орудій страшный гулъ
И, отстоявъ свой край родимый,
Народъ великій отдохнулъ;
Отчизна вышла невредима
Изъ той войны, какъ въ старину
Въ иную славную войну.
И вотъ опять она зоветъ
Своихъ сыновъ на бой упорный,
Но этотъ бой уже не тотъ...
Со зломъ и тьмой, съ неправдой черной,
Она зоветъ теперь на бой
Во имя истины святой!

Не страшенъ намъ и правды врагъ
И съ нимъ отчизна совладастъ......
Смотрите—ужь рѣдѣетъ мракъ,
Ужь свѣтъ повсюду проникаетъ
И, содрогаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

А. Плещеевъ.

---

* * *

Мы долго лежали, повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша,
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ,
Забита тяжелая крыша.
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Какъ будто бы рѣчь прозвучала—
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта!..

А. Жемчужниковъ.

С..... .....у.

(при вступлении на поприще).

—

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь,
Прими же мой привѣтъ—не громкій, но сердечный:
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной,
Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.
Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою,
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою
И ободряя тѣхъ въ борьбѣ кто духомъ палъ...
И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: «въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный»—
Ты будешь счастливъ, другъ... инаго счастья нѣтъ!

А. Плещеевъ.

ПОЧЕМУ?

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ живетъ и страждетъ человѣкъ,
Подъ игомъ зла и заблужденья,
Въ стремленіи къ добру и правдѣ каждый вѣкъ
Намъ бросилъ слово утѣшенья.
Разсудкомъ не одинъ разоблаченъ кумиръ,
Но мысль трудиться не устала
И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
Прося у жизни идеала.
Но почему же въ немъ и сердцу и уму
Такъ оскорбительно и тѣсно?
Чтожъ много льется слезъ и крови? *Почему*
Такъ все запугано, что честно?
О слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ!
Оно, звуча неумолимо,
Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
И въ жизни не проходитъ мимо.
Да, *почему*: и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
Все, все, что̀ радуетъ и мучитъ?
Пускай на нашъ вопросъ мы вызовемъ отвѣтъ,
Который знанью не научитъ—
Все будемъ требовать отвѣта: *почему?*
И снова требовать и снова:
Какъ яркой молніей, прорѣзываетъ тьму
И будитъ къ жизни это слово.

А. Жемчужниковъ.

КЪ МЕФИСТОФЕЛЮ.

Довольно ты людей пугалъ
И надъ мечтами ихъ смѣялся,
Клеймилъ, позорилъ, отрицалъ
И общимъ страхомъ потѣшался.

Теперь насъ трудно испугать:
Ростетъ и крѣпнетъ наше племя,
Чему мы вѣримъ въ наше время,
Того тебѣ не осмѣять! (*)

В. Павловъ.

БАЛЬНЫЯ ГРЕЗЫ.

(Октавы.)

I.

Всегда я лишній гость на вашемъ свѣтскомъ балѣ
И тьмою кажется мнѣ вашъ блестящій свѣтъ...

(*) Въ этой коротенькой пьескѣ вполнѣ выражаются тѣ юношескія надежды, съ которыми наше общество вступило въ борьбу *со зломъ и неправдой.*

Прим. изд.

Давно гремѣлъ оркестръ въ благоуханной залѣ,
  Облитой блескомъ люстръ, брильянтовъ, эполетъ,
Лишь я да милая моя не раздѣляли
  Веселья общаго: у насъ былъ свой предметъ,
Свой теплый разговоръ, исполненный отрады,
  И невниманію другихъ мы были рады...

II.

Но я разстался съ ней: она, увлечена
  Паркетнымъ рыцаремъ, смѣшалася съ толпою;
Ей не сочувствуя—она была одна—
  Остался я одинъ въ бесѣдѣ самъ съ собою.
Мелькая предо мной, скрывалася она...
  Изъ залы вышелъ я съ холодною тоскою;
Покоевъ и гостей минуя длинный строй,
  Вошелъ я наконецъ въ незанятый покой.

III.

Въ окно широкое передо мной открыты
  Ряды роскошныхъ дачъ средь зелени садовъ,
Лучами мѣсяца таинственно облиты,
И городской погостъ мнѣ кажетъ рядъ крестовъ;
  У мраморовъ гробницъ березы да ракиты,
Какъ тѣни легкія встающихъ мертвецовъ.
  Мой взоръ задумчивый на немъ остановился
И нечувствительно я въ грезы погрузился.

IV.

Въ могилѣ я лежу, заброcанный землей,
Забытый, какъ и все, незнаемый своими;
Проносится мятель свободно надо мной
И вѣтеръ споръ ведетъ съ березами моими.
Невыносимъ мнѣ мой безжизненный покой:
Я вышелъ бы страдать съ собратьями живыми,
И имъ завидовать, смотря на ихъ борьбу,
Ихъ вѣковѣчную тяжелую судьбу.

V.

Морозно и темно въ могилѣ безотвѣтной—
А тамъ въ палатахъ пиръ и музыка гремитъ;
Часы въ веселіи проходятъ незамѣтно
И жизни диѳирамбъ торжественно звучитъ;
Ведется разговоръ съ улыбкою привѣтной
И старость съ юностью, какъ юность, говоритъ...
Зачѣмъ я не живу, зачѣмъ теперь не съ ними,
Зачѣмъ не слышенъ я межъ братьями моими!

VI.

Тамъ милая моя, цвѣтущая красой,
Плѣняетъ музыкой рѣчей своихъ другаго,
О прошломъ говоритъ съ сердечной полнотой,
Лишь обо мнѣ одномъ въ поминѣ нѣтъ ни слова.
. . . .

Иль можетъ быть она, осеннею порой,
Колѣна преклонивъ у праха дорогаго,
Слезой животворитъ могильный мой цвѣтокъ—
О еслибъ я тогда откликнуться ей могъ.

VII.

И всѣ завѣтныя души моей творенья,
О чемъ я только смѣлъ когда то помечтать,
Нежданно облеклись въ вѣнецъ осуществленья.
Что вянуло въ мой вѣкъ, о чемъ я могъ страдать—
То будетъ, укрѣпясь въ роскошномъ обновленьи,
Плоды свои другимъ обильно расточать!
А я не чувствую, а я въ могилѣ тлѣю
И ихъ привѣтствовать я силы не имѣю.

VIII.

Но эти образы, мелькнувши предо мной,
Уже заслонены картиною иною—
Невѣждъ безсмысленныхъ сіяющей толпой,
Ласкаемыхъ въ нашъ вѣкъ ихъ старческой судьбою;
А разумъ, съ знаніемъ и силой молодой,
Въ прахъ повержены подъ дряхлой ихъ стопою—
И задыхается въ вертепахъ нищеты
Все полное надеждъ, добра и красоты.

IX.

Я вижу въ этотъ часъ прозрѣвшими глазами,
Чѣмъ перлы куплены красавицъ молодыхъ:

Мнѣ кажутся они застывшими слезами,
  Пролитыми въ трудахъ работавшихъ на нихъ.
Вы освѣтили пиръ свой бальными огнями,
  Отнявъ послѣдній свѣтъ у слабыхъ и меньшихъ,
И въ каждомъ музыки ласкающемъ мотивѣ
  Я слышу скрипъ серпа и плачъ дѣтей на нивѣ.

X.

Своекорыстіемъ все дышетъ и живетъ,
  Всякъ, заблужденіемъ обманутъ, веселится,
Проматывая жизнь, какой то жизни ждетъ...
  О еслибы я могъ нежданно къ нимъ явиться,
Чтобъ ихъ веселіе нарушилъ мой приходъ,
  Чтобъ истиной могилъ съ живыми подѣлиться,
Отъ сердца скорбнаго съ одними говорить,
  Другихъ насмѣшкою презрительной язвить...

Н. Щербина.

FASHIONABLE.

Я люблю, мой fashionable,
  Ваши рѣчи и ухватки;
Ваши рѣчи, ужь конечно,
  И остры и очень сладки.

Какъ вы много говорите,
  Сидя близь аристократки,—
Каламбуры, анекдотцы,
  Комплименты и загадки.

Если вы въ лорнетъ глядите,
  То вдругъ смѣло, то украдкой—
Я любуюсь вашей ручкой,
  Ваше лайковой перчаткой.

Но нельзя ли издали мнѣ
  Наслаждаться рѣчью сладкой,
И не жмите вы руки мнѣ
  Вашей лайковой перчаткой!

Н. Огаревъ.

ПОСЛѢ БАЛА.

Мнѣ душно здѣсь! вашъ міръ мнѣ тѣсенъ!
  Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ,
Веселыхъ лицъ, веселыхъ пѣсенъ,
  Горячихъ споровъ, острыхъ словъ
Гдѣ бъ былъ огонь и вдохновенье,
  И безпорядокъ, и движенье,
Гдѣ бъ походило все на бредъ,
  Гдѣ бъ каждый былъ хоть мигъ поэтъ!

А то—сберетеся вы чинно;
Гирлянды дамъ сидятъ въ гостиной;
Забава ихъ—хула да ложь.
На лицахъ ихъ не разберешь —
Тутъ веселятся иль хоронятъ...
Вы сами—бьетесь въ ералашъ,
Чинопоклонствуете, лжете;
Торгуете и продаете —
И это праздникъ званный вашъ!
Недаромъ, съ бала исчезая,
И въ санки быстрыя садясь,
Какъ будто силы оправляя,
Корнетъ кричитъ: «пошелъ въ танцклассъ!»
А ваши дамы и дѣвицы
Изъ–за кулисъ бросаютъ взоръ
На пиръ разгульный модной львицы,
На золотой ея позоръ.

А. Майковъ.

---

* * *

Толпы счастливыхъ, разодѣтыхъ,
Въ своихъ колясках и каретахъ,
Въ пыли, колесами гремя,
Несутся голову сломя.
Неволенъ злобы сильный скрежетъ!

Мнѣ острый камень ноги рѣжетъ;
Я утомленъ, я изнуренъ,
Меня тѣснятъ со всѣхъ сторонъ;
Отъ оскорбленій ежечасныхъ,
Отъ мукъ безвѣстныхъ и безгласныхъ.
Вдругъ сердце словно порвалось
И жаркой кровью облилось...
Пути осталось много, много!
Пылится шумная дорога
Въ палящихъ солнечныхъ лучахъ,
Толпятся люди впопыхахъ...
Сноси насмѣшливые взоры,
Сноси ихъ толки, приговоры!
Въ нихъ нѣтъ любви; въ нихъ умъ забитъ
Довольствомъ, книжностью—и спитъ.
Они всегда и безъ возврата
Готовы кинуть камень въ брата,
Имъ малъ, ничтоженъ ихъ удѣлъ;
Имъ скучно жить на бѣломъ свѣтѣ,
И страсти лучъ ни разу эти
Сердца пустыя не согрѣлъ.

Θ. Бергъ

ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Смотрю: такъ важно и такъ чинно
Собранье пестрое шумитъ —

Одинъ о чемъ то говоритъ
  И разговоръ заводитъ длинный,
Другой боится проронить
  Его безсмысленное слово,
Всегда безсовѣстно-готовый
  И ложь и глупость подтвердить.
Тамъ остроумецъ неопасный,
  Изъ самолюбья иль потѣхъ,
Почуя смѣхъ подобострастный,
  Разитъ нещадно все и всѣхъ.
Вотъ лесть за чистую монету
  Беретъ какой то господинъ,
И акробатомъ по паркету
  Несется свѣтскій паладинъ.
Случится ль (рѣдкое явленье!)
  О дѣльномъ разговоръ завесть —
То слышишь въ немъ пустое пренье
  Расхожихъ мнѣній, общихъ мѣстъ;
Иль рабъ по жизни и природѣ
  Чужихъ желаній и страстей
Съ оглядкой бредитъ о свободѣ
  И споритъ шутовски о ней...
Когда жъ порой, на нашемъ вѣчѣ,
  О злѣ насущномъ рѣчь зайдетъ —
Какъ отъ чумы, отъ этой рѣчи
  Всякъ осторожно отойдетъ...

Н. Щербина.

СТАРЫЙ ХЛАМЪ.

Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ,
Старые портреты въ полинялой рамѣ,
Все то косы, пудра, мушки и румяны,
Черезъ плеча ленты, съ золотомъ кафтаны:
Дней давноминувшихъ знатные вельможи —
Полны и дородны, жиръ сквозитъ подъ кожей.
Между ними жоны съ лебединой шеей:
Грудь впередъ, какъ панцырь, мрамора бѣлѣе
Волосы горою надъ челомъ ихъ взбиты;
Перьями, цвѣтами пышно перевиты...
И во всѣхъ то лицахъ выразилъ искусно
Гордость ловкій мастеръ.,. И смѣшно, и грустно!
Кто они такіе? этихъ лицъ не видно
Въ пышныхъ галлереяхъ, гдѣ почетъ завидный
Вѣкъ нашъ предкамъ добрымъ воздастъ исправно,
Гдѣ живутъ въ портретахъ старины недавной
Главные актеры, главныя актрисы.....
Эти жъ, видно, были вѣку лишь кулисы!
Высшихъ потѣшали пошлымъ обезьянствомъ,
Низшихъ угнетали мелочнымъ тиранствомъ;
А сошли со сцены—всѣмъ вдругъ стали чужды.
И до ихъ портретовъ никому нѣтъ нужды,
И стоятъ у лавки, точно какъ привратникъ,
Старая кокетка, вѣтряный развратникъ!
Но—вотъ ликъ знакомый и свѣжѣе краски...
Скорожъ до печальной дожилъ онъ развязки

Грубо намалеванъ, а вѣдь образъ чудный.
И его никто то, въ часъ развязки трудный
Не сберегъ отъ срама—и свезенъ купцами
Онъ съ аукціона вмѣстѣ съ зеркалами.
Крышку ль надъ прекрасной гробъ уже захлопнулъ?
Биржа ль измѣнила? откупъ что ли лопнулъ?
Въ Римѣ и въ Афинахъ Фрины были, Лиды,
Вѣтреныя жрицы пламенной Киприды;
Но съ Kипридой музы въ двери къ нимъ влетали
И у нихъ Сократа розами вѣнчали...
. . . .
Нынѣ чужды музамъ корифейки оргій,
Чужды мессалинамъ страстные восторги;
Черезъ нихъ карьеру созидаютъ франты
И связей и денегъ ищутъ спекулянты...
Узнаю въ портретѣ этомъ я торговку!
Врядъ ли разрѣшала страсть у ней снуровку;
Но она не мало жертвъ съ сумой пустила
И еще робѣвшихъ воровать учила.
Помню я, бывало, какъ сидитъ въ театрѣ —
Ей партеръ дивится точно Клеопатрѣ:
Плечи восковыя, голова Медеи,
Смоляныя косы сплетены какъ змѣи;
Руку на колѣняхъ на руку сложивши,
Смотритъ изподлобья, губу закусивши,
И изъ полумрака, въ углубленьи ложи,
Точно выбираетъ жертву въ молодежи...
Такъ вотъ и казалось—кинется тигрица! —
Не любви, а денегъ жаждала блудница.

А. Майковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ «НЕСЧАСТНЫЕ» (*).

. . . . Невольно
Припомнишь бѣдный городокъ,
Гдѣ солнца каждому довольно,
То правда: городъ не широкъ
Не длиненъ: лаи судейской шавки
Въ немъ слышенъ вдоль и поперегъ.
Домишки малы, пусты лавки;
Аптека, два-три кабака,
Тюрьма, шлагбаумъ полосатый,
Домъ судный, госпиталь досчатый
И площадь... Площадь велика:
Кругомъ не видно ей границы
И, слышно, осенью на ней
Чудакъ, заѣзжій изъ столицы
Успѣшно ищетъ дупелей.
Ну все какъ надо, какъ извѣстно,
Надъ чѣмъ столичные давно
Острятъ то глупо, то умно;
За то спокойно и не тѣсно,
Ни горя, ни отрадъ не жди.
Свинья увязла въ подворотню —
Народъ глядитъ, и ты гляди;
Отвѣсятъ ей ударовъ сотню

(*) Современникъ 1857 г. № 3.

И чудо! властная рука
  Мгновенно сбавитъ ей бока.
Вотъ гуси, всю занявъ дорогу,
  Гогочутъ, выступаютъ въ ногу.
. . . .
  Но ужь запѣли соловьи,
Иди гулять—до сна недолго!
  Гляди, какъ тихо катитъ Волга
Свои спокойныя струи,
  Уснувъ въ песчаной колыбели,
Кàкъ, нагибаясь до земли,
  Таскаютъ бурлаки кули,
А воробьи ужь налетѣли
  И, тереба мочалу, носъ
Просунуть силятся въ овесъ. .
  Не любишь птицъ, гляди бездумно,
    Какъ приближается парòмъ
  Не торопливо и не шумно;
  А тамъ, на берегу другомъ,
  Подъ легкимъ, матовымъ туманомъ,
    Какъ будто войско тѣснымъ станомъ
      Расположилось на ночлегъ:
Не перечтешь коней, телѣгъ!
  Подъ каждымъ стогомъ—великаномъ
Толпа… и слышны голоса,
Стыдливый визгъ и хохотъ женскій,
  Но потемнѣли небеса —
Спи мирно, житель деревенскій!
. . . .
Народъ уснулъ—пора и намъ.
  Досадно только: по ночамъ,

Должно быть, переспавъ нещадно,
Собака воетъ безотрадно.
Весь городъ чьей то смерти ждетъ,
Толкуютъ набожно и тихо —
И вѣдь случается, возьметъ
Да и скончается купчиха,
Передъ которой глупый песъ
Три ночи вылъ, поднявши носъ.
Тогда попробуй разувѣрить!
Да какъ ты смѣешь самъ не вѣрить?
Молчи—упрямы вѣдь они!...
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,
Не то судьбы поддайся игу
И лямку общую тяни.
Тамъ духота, бездумье, лѣнь,
Тамъ время тянется сонливо,
Какъ самодѣльная расшива
По тихой Волгѣ въ лѣтній день..
Храни Господь того, кто скажетъ:
«Простите, мирныя поля»!
И бѣдный свой челнокъ привяжетъ
Къ кормѣ большаго корабля.

Н. Некрасовъ.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Пѣсню что-ли вы хотите?
Пѣсня будетъ не нова,

Но для музыки возьмите —
  Въ ней слова, слова, слова!
Обвинять ли наше племя,
  Иль обычай такъ сплѣнъ,
Что поемъ мы въ наше время
  Пѣсню дѣдовскихъ временъ?
Жилъ чиновникъ небогатый,
  Просто жилъ, какъ Богъ велѣлъ,
И посты хранивши свято,
  Тысячъ сто нажить умѣлъ.
Но, по злобному навѣту,
  Вдругъ отъ мѣста отрѣшенъ....
Да когда жъ мы кончимъ эту
  Пѣсню дѣдовскихъ временъ?
Про чугунки, пароходы,
  Говорили прошлый годъ:
—«Это все одни расходы!»
    Воетъ нѣсколько бородъ,
  Вѣрныхъ старому завѣту,
«Вѣкъ то больно сталъ мудренъ».
    Да когда-жъ мы кончимъ эту
  Пѣсню дѣдовскихъ временъ?
Самъ не знаю: пѣть ли дальше?
  Я красавицу знавалъ:
Захотѣлось въ генеральши —
  И нашелся генералъ.
  Въ этомъ смыслу даже нѣту:
Былъ другой въ нее влюбленъ,
Да когда жъ мы кончимъ эту
  Пѣсню дѣдовскихъ временъ?
Пѣсню, старую отъ вѣка,

Какъ языческій кумиръ,
Гдѣ превыше человѣка
Ставятъ шпоры и мундиръ,
Гдѣ уму простору нѣту,
Гдѣ безсмысленный силенъ,
Да когда жъ мы кончимъ эту
Пѣсню дѣдовскихъ временъ?
Да когда жъ споемъ другую —
Развѣ нѣту голосовъ?
И не стыдно ль дрянь такую
Пѣть ужь нѣсколько вѣковъ?
Или спать, сложивши руки,
При движеніи племенъ,
Богатырскимъ сномъ, подъ звуки
Пѣсни дѣдовскихъ временъ?

В. Курочкинъ.

---

* *
*

Медленно движется время;
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй наше юное племя,
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ. .
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,
Зло вырывать не легко.
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднилися съ нимъ...
Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ.
Стыдъ, кто безсмысленно тужитъ,
Листья зашепчутъ—онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ,
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.
Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна,
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли,
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

И. Никитинъ

---

* *
*

Зачѣмъ душа твоя смирна?
  Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ
  Душа призванью не вѣрна!
Вокругъ тебя кипятъ задачи,
  Вокругъ тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло, —
  А ты... ужель хотя однажды
Ты боевой не свѣдалъ жажды,
  Тебя въ борьбу не увлекло?
Ты возлюбилъ свое бездѣлье
  И сна душевнаго недугъ,
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельи,
  Чредою гибнетъ твой досугъ.
На царство лжи глядя незлобно,
  Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
  Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разъяснивъ противорѣчій,
  Не разрѣшая ничего!
Предъ Богомъ лѣнью не грѣши,
  Стряхни ярмо благоразумья,
Люби ревниво, до безумья,
  Всѣмъ пыломъ дерзостной души.
Освободясь въ стремленьи новомъ
  Отъ плѣна ложнаго стыда,

Позоръ, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжесть общаго труда!
Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ!
Но для святыни убѣжденья,
Полезнѣй казни и гоненья,
Чѣмъ славы суетной успѣхъ.
О, въ этой душной нашей ночи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ? —
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!

И. Аксаковъ.

ТРУЖЕНИКЪ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!
Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ
И надъ оврагами кудрявый

Вѣтвей сплетающійся сводъ!
Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.
Стереть бы потъ дневнаго зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!
»Безумецъ, нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога —
Господь велитъ: иди, иди!
Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты —
Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою,
Борись, борецъ, до поздней тьмы»!
Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ твоемъ!
Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы
Господь для сѣва твоего.

А. Хомяковъ.

КНИГА.

Книга... открываю...
  «Лѣтопись россійская»
Ну тебя я знаю,
  Знаю, степь ливійская.
Какъ она, равнина
  Бытія безплоднаго,
Вѣчная картина
  Горя неисходнаго.
Гдѣ тебя ни вскрою,
  Книга безотрадная,
Всюду предо мною
  Встанетъ жизнь нескладная.
Всюду злу свобода,
  Права непризнаніе,
Съ жизнью духъ народа
  Въ вѣчномъ отрицаніи.
Ширина основы,
  Нищета развитія,
Темны и суровы
  Люди и событія.
Наглые миньоны

Гордо—недоступные,
Всякіе бироны
Мелкіе и крупные.
Сумрачныя лица,
Темныя сказанія,
Рѣдко гдѣ страница
Свѣтлаго преданія.
Всюду жизнь народа
Давитъ сила строгая,
А кругомъ природа
Бѣдная, убогая.
Нива неприглядно
Тощая раскинулась,
Небо безотрадно
Сѣрое надвинулось,
Глухо боръ сосновый
Съ вѣтромъ окликается,
Жалобно—суровой
Пѣснью заливается;
Словно все по комъ то
Правитъ помпнанія,
Шепчетъ все о чемъ то
Грустныя сказанія.

М. Розенгеймъ.

УТОПИСТЪ.

Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ
 На попеченіе отдавъ,
Ты самъ межъ ними чужеземцемъ
 Проводишь вѣкъ—и чтожъ? ты правъ...
Твои мечты витаютъ выше...
 Что передъ ними нищихъ полкъ,
Да избы съ сломанною крышей,
 Да о житейскихъ дрязгахъ толкъ?
Подобно мудрому Зевесу,
 Ты въ олимпійской тишинѣ,
На міръ накинувъ тучъ завѣсу,
 Сидишь съ собой наединѣ.
Сидишь, для міра вымышляя
 И лучшій строй и новый чинъ,—
И весь Олимпъ молчитъ, гадая,
 Чѣмъ озабоченъ властелинъ?..
И лишь для рѣзваго эрота
 У жизнедавца и отца
Міродержавная забота
 Спадаетъ съ грознаго лица.

А. Майковъ.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ МОГИКАНЪ.

Чортъ возьми! совсѣмъ не спится,
  Отъ клоповъ покою нѣтъ;
Чуть заснешь, исправникъ снится,
  Депутаты, комитетъ (*).

Что и дѣлать—самъ не знаю.
  Видно надобно вставать...
Яшка, мыться! Гришка, чаю!
  Ѳедька: повара позвать!

Протрубили англичане,
  Что у нихъ, молъ, всѣ равны
И что баре, что крестьяне
  Для свободы рождены,

И у насъ пошли драть глотки
  И печатать и писать...
Ванька, рѣдьки: Кузька, водки!
  Семка: кушать подавать!

Гдѣ ужъ нашему народу
  Брать примѣры съ англичанъ...
Дай-ко Филькѣ я свободу —
  Черезъ часъ напьется пьянъ.

(*) т. е. комитетъ объ освобожденіи крестьянъ.
Примѣч. Изд.

Эй! сказать отцу Маркелу:
  Въ дурачки чтобъ шелъ играть.
Борька, карты! Васька, мѣлу!
  Ларька, ужинъ накрывать!

Вотъ и дожилъ, что безъ спросу,
  У себя, въ землѣ своей,
Не обрѣжешь дѣвкѣ косу,
  Парню лобъ забрить не смѣй!

А задашь, бывало, лупку —
  Просто божья благодать...
Оська, свѣчку! Демка, трубку!
  Тишка, клюквы мнѣ подать!

Говорятъ: пора приспѣла,
  Нѣтъ спасенья! говорятъ...
Эхъ когда бъ все это дѣло
  Повернуть на старый ладъ.

Все труднѣе часъ отъ часу...
  Завалиться съ горя спать!
Юрка, Пчелку! Прошка, квасу!
  Стенька: Машку мнѣ послать!

Ш—ъ.

---

* * *

Эти бѣдныя селенья,
  Эта скудная природа—

Край родной долготерпѣнья,
  Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не замѣтитъ
  Гордый взоръ иноплеменный:
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
  Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
  Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
  Исходилъ, благословляя!

О. Тютчевъ.

---

* * *

Грустная картина!
  Облакомъ густымъ
Вьется изъ овина
  Надъ рѣкою дымъ.
Не завидна мѣстность:
  Выжаты поля,
    Плоская окрестность,
Скудная земля.
  Все, какъ бы въ туманѣ,
Дремлетъ или спитъ.
  Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичокъ стоитъ,

Головой качаетъ:
Умолотъ плохой!
Думаетъ, гадаетъ:
Какъ то быть зимой?
Такъ вся жизнью проходитъ
Съ горемъ пополамъ,
Вотъ и смерть приходитъ,
Съ ней конецъ трудамъ.
Причаститъ больнаго
Деревенскій попъ,
Принесутъ готовый
Отъ сосѣда гробъ,
Отпоютъ уныло
И старуха—мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать.

Ю. Жадовская.

---

* * *

Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь—купецъ,
Ухарь—купецъ, удалой молодецъ,
Сталъ онъ на дворъ лошадей покормить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
Въ красной рубашкѣ, кудрявъ и румянъ,
Вышелъ на улицу веселъ и пьянъ,
Собралъ онъ дѣвокъ—красавицъ въ кружокъ,

Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ,
Потчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
«Пей—пропивай! Поживемъ—наживемъ!»
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ.
Шутятъ и пляшутъ и пѣсни поютъ.
Ухарь—купецъ подпѣваетъ, свиститъ.
Оземь ногой молодецки стучитъ.
Синее небо и сумракъ и тишь;
Смотрится въ воду зеленый камышъ.
Полосы свѣта на рѣчкѣ дрожатъ,
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горятъ.
Дѣвичья пляска при зорькѣ видна,
Дѣвичья пѣсня за рѣчкой слышна,
По лугу льется, по чащѣ лѣсной...
Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой,
Бѣлый какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.
Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаетъ,
Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ.
Рвется красотка за дѣвичій кругъ:
Совѣстно ей отъ родныхъ, отъ подругъ.
Смотрятъ подруги—ихъ зависть беретъ,
Вотъ, молъ, упрямицѣ счастье идетъ.
Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смекнулъ;
Локтемъ жену торопливо толкнулъ.
Сѣдъ онъ и рваная шапка на немъ,
Глазомъ мигнулъ—и пропалъ за угломъ.
Дѣвкина мать расторопна, смѣла,
Съ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла:
«Полно, касатикъ, отстань—не балуй!

Дѣвки моей не позорь, не цѣлуй!
Ухарь—купецъ позвенѣлъ серебромъ:
—«Нѣтъ, такъ не надо... другую найдемъ»!
Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать—
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять.

Звѣздная ночь и ясна и тепла,
Дѣвичья пѣсня давно замерла.
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышъ молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
Спитъ на печи подгулявшій старикъ, —
Спитъ въ зипунишкѣ и въ старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
Молится Богу старуха жена,
Плакать бы надо—не плачетъ она.
Дочь ихъ красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила.
Что тутъ за диво! и замужъ пойдетъ...
То-то, чай, дѣтокъ на умъ наведетъ!
Кѣмъ ты, людъ бѣдный, на свѣтъ порожденъ?
Кѣмъ ты на гибель и срамъ осужденъ?

И. Никитинъ.

---

* * *

Надъ этой темною толпой
  Непробужденнаго народа,
Взойдешь ли ты когда свобода?
  Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
  И сонъ разгонитъ и туманы...
Но старыя, гнилыя раны,
  Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
  Чтò гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ —
Кто ихъ излечитъ, кто прикроетъ?
  — Ты, риза чистая Христа!

Ѳ. Тютчевъ.

ПАХАРЬ.

Солнце зà день нагулялося,
  За кудрявый лѣсъ спускается,
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
  Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ; вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да каменьями унизана.
Не слыхать то въ полѣ голоса,
Воронъ, молча, на межѣ сидитъ,
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.
Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ, понурилъ голову,
Мужичекъ идетъ, шатается......
Ужь когда же ты, кормилецъ нашъ,
Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
Изъ земли ты роешь золото,
Самъ то сытъ сухою коркою!
Зрѣетъ рожь—тебѣ заботушка:
Какъ бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.
Хлѣбъ поспѣлъ—тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню то онъ осыплется,
Безъ куска то ты останешься.
Урожай—купцы спѣсивятся,
Годъ плохой—въ семьѣ всѣ мучатся;
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.
Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?

На труды твои да на̀ горе
Вчужѣ вдоволь я наплакался.

И. Никитинъ.

---

* *
*

Май на дворѣ... начался посѣвы...
Пахарь поетъ за сохой,
Снова внемлю вамъ, родные напѣвы,
Съ той же глубокой тоской.
Но не одно горѣванье тупое,
Плодъ безконечныхъ скорбей,
Мнѣ уже слышится что то иное
Въ пѣсняхъ отчизны моей.
Льются смѣлѣй заунывные звуки,
Полные силъ молодыхъ,
Многихъ годо̀въ пережитыя муки
Грозно скопились въ нихъ.
Пусть тебя, Русь, одолѣли невзгоды,
Пусть ты унынья страна —
Нѣтъ, я не вѣрю, что пѣсня свободы
Этимъ полямъ не дана!

А. Апухтинъ.

СТАРЫЙ СЛУГА.

Сохнетъ старикъ отъ печали,
Ночи не спитъ на пролетъ:
Барскимъ добромъ поклепали,
Вòромъ вся дворня зоветъ.
Нè ждалъ онъ горькой невзгоды,
Барину вѣрно служилъ...
Какъ его, въ прежніе годы,
Старый слуга мой любилъ!
Въ курточкѣ красной, бывало,
Веселъ, завитъ и румянъ,
Прыгаетъ, бьетъ, какъ попало,
Рѣзвый барчукъ въ барабанъ.
Бьетъ и кричитъ и смѣется,
Дѣтскою саблей звенитъ,
Вдругъ къ старику повернется —
«Смирно!» и ножкой стучитъ.
Ниткой его зануздаетъ,
Нà спину сядетъ верхомъ,
Въ шутку кнутомъ погоняетъ,
Ѣдетъ по залѣ кругомъ.
Радъ мой старикъ—и проворно
На четверенькахъ ползетъ.
«Стой!» и онъ станетъ покорно,
Бровью сѣдой не моргнетъ.
Ручку ль барчукъ шаловливый,
Ножку ль убьетъ за игрой —

Вздрогнетъ слуга боязливый:
  «Баринъ ты мой золотой!»
Шопотомъ тужитъ—горюетъ:
  «Не досмотрѣлъ я, злодѣй!»
Барскую ножку цѣлуетъ:
  «Бей меня, батюшка, бей!»
Тошно подъ барской опалой,
  Недруговъ страшенъ навѣтъ!
Пусть бы ужь много пропало —
  Ложки серебряной нѣтъ!
Смотритъ старикъ за овцами,
  На ноги лапти надѣлъ,
Плеча покрылъ лоскутами —
  Такъ ему баринъ велѣлъ.
Плакалъ бѣднякъ, убивался,
  Вслухъ не винилъ никого:
Рабъ своей тѣни боялся,
  Такъ напугали его.
Господи! горе и голодъ...
  Долго ли чахнуть въ тоскѣ?
Вырвался какъ то онъ въ городъ
  И загулялъ въ кабакѣ.
Пей безталанная доля!
  Пилъ онъ и пѣлъ и плясалъ...
Волюшка, милая воля,
  Гдѣ же твой свѣтъ запропалъ?
И потащился полями,
  Пьяный, въ родное село;
Вьюга неслась облаками,
  Вѣтромъ лицо его жгло.

Снѣгъ заметалъ одежонку,
Сонъ горемыку клонилъ,
Легъ онъ, надвинувъ шапчонку,
И середь поля застылъ.

И. Никитинъ.

---

* * *

Былъ очень жарокъ день—и жатва зачиналась,
Семья усердныхъ жницъ съ снопами наклонялась
Надъ рожью, падшею отъ тяжести зерна —
И нива на землю ложилась какъ волна.
Вблизи поляны той, гдѣ жатву зачинали,
Въ кустахъ, съ младенцами, кибиточки стояли,
Гдѣ нѣжныхъ матерей забота собрала
Всѣхъ младшихъ жителей изъ мирнаго села.
Вопль часто прерывалъ ретивую работу
И мать мѣняла серпъ на лучшую заботу,
И грудь вложивъ въ уста младенца своего,
Унылой пѣсенкой баюкала его.

Не плачьте горько такъ, невинные младенцы,
Юнѣйшіе земли родимой поселенцы!
Надъ вашей младостью не дремлетъ ночи тѣнь,
Вамъ брезжетъ вольный свѣтъ, вамъ всходитъ новый день!

МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(честнымъ людямъ, состоящимъ въ государственной службѣ.)

Въ средѣ бездушной, гдѣ законъ —
Орудье лжи, гдѣ воздухъ смраденъ
И весь неправдой напоенъ,
Одинъ лишь ты мнѣ былъ отраденъ,
Ты, малочисленный союзъ
Мужей безъ страха и безъ лести,
Себя добромъ взаимныхъ узъ
Скрѣпившій для добра и чести.

Досуга праздно не губя,
Вы чужды дерзкихъ замышленій:
Вы не взложили на себя
Задачи цѣлыхъ поколѣній.
Слѣпой покорствуя судьбѣ,
Избравши путь, не яркій съ виду,
Вы обрекли себя борьбѣ
И слабыхъ внемлите мольбѣ,
И мстите бѣднаго обиду.
Я знаю—подвигъ вамъ сужденъ
Докучный, тѣсный, ежедневный,
Но сколько разъ прекраснѣй онъ

Печальной праздности душевной,
Безплодной преданной мечтамъ!...
А вы, средь козней и проклятій,
Все тотъ же пылъ несли къ трудамъ...
Мужайтесь! силъ добудутъ вамъ
Благословенья меньшихъ братій!

Я знаю: мелокъ вашъ удѣлъ,
Но пышенъ плодъ усилій дружныхъ:
Невинный въ битвѣ одолѣлъ,
Проснулась бодрость въ безоружныхъ!
И могъ обиженный неразъ
Избѣдать здѣсь, въ средѣ разврата,
Что встрѣтитъ въ каждомъ онъ изъ васъ,
На всякій день, на всякій часъ,
Въ дѣлахъ добра—слугу и брата!
Такъ пусть же дремлетъ въ тишинѣ
Тоска несбыточныхъ желаній;
Зато, безъ праздныхъ ожиданій,
Вы люди честные вполнѣ...
Такъ жизнь скупа, предѣлъ такъ краткокъ!
Надеждамъ смѣлымъ не созрѣть!
И благо всѣмъ, кому безъ взятокъ
Придется здѣсь разовъ десятокъ
Слезу вдовицы утереть,
Вновь возвратить стѣсненнымъ грудямъ
Просторъ и воздухъ въ душной мглѣ. —
Такъ благо вамъ, хорошимъ людямъ,
За ваше дѣло на землѣ!

И. Аксаковъ.

ЗАДНЕЕ КРЫЛЬЦО.

На тяжкій путь, на жребій свой унылый,
Ты жалобы приносишь безъ конца:
Самъ виноватъ, самъ виноватъ, другъ милый —
Не зналъ ты задняго крыльца.

Всегда, вездѣ въ своихъ поступкахъ строгій,
За правду, честь, ты ждалъ себѣ вѣнца:
Не лучше ль, своротивъ сь прямой дороги,
Шнырялъ бы съ задняго крыльца?

Безъ денегъ, безъ связей, ты тянешь службу
И хлѣбъ насущный ѣшь въ поту лица:
Имѣлъ бы все—палаты, знатныхъ дружбу
Подъ сѣнью задняго крыльца.

Искусство главное—повѣрь какъ другу —
Найти умнѣй великихъ таинъ жреца:
Секретаря, жену, любовь, прислугу
И входы съ задняго крыльца.

Тогда неси: чай, шаль, крупу, индѣйку,
Кредитки, золото, серебрецо;
Но входомъ лишь не ошибись—лазейку
Найди на заднее крыльцо.

Ты не смотри, что сильный гнѣвно мордой
Тряхнетъ не разъ и оскорбитъ словцомъ:
Исчезнетъ гнѣвъ съ его личины гордой,
Лишь заднимъ обойди крыльцомъ.

Казнитъ онъ зло при всѣхъ, какъ громоносецъ,
На золотаго наступивъ тельца:
Сунь кушъ въ пакетъ—и онъ тебя въ засосецъ
Цѣлуетъ съ задняго крыльца.

«Нѣтъ» говоришь, вздохнувъ, «въ обитель Бога
Взойду, не убоясь его лица:
Умру я чистъ избушки у порога —
Не въ тинѣ задняго крыльца».

Л.

ЖЕНЩИНѢ.

Какъ надъ тобою посмѣялась
Твоя жестокая судьба,
Какая жизнь въ удѣлъ досталась,
Тебѣ, царица и раба!
Ты стала средь мгновенной власти,
Мишурнымъ блескомъ облитой,
Игрушкою нужды и страсти —

Не человѣкомъ, не женой.
И на колѣняхъ предъ тобою,
Страдая, плача и любя,
Мужчина съ жаркою мольбою
Цѣпями путаетъ тебя....
Свое призванье ты забыла
Для грезъ дремоты вѣковой —
И новая, живая сила
Для міра отнята съ тобой.
Предъ всякой ложью и тщетою,
Какъ предъ кумиромъ, пала ты
И пустоцвѣтною красою
Взросла на почвѣ суеты...
Твое святое назначенье —
Нашъ геній изъ пеленъ принять,
Направить душу поколѣнья,
Отчизнѣ гражданъ воспитать.
И струнъ въ тебѣ сокрыто много:
Подъ райскою музыкою ихъ
Намъ облегчилась бы дорога
Въ тяжелыхъ странствіяхъ земныхъ.
Ты сердца чуткаго прозрѣньемъ
Тѣ правды можешь угадать,
Которыхъ намъ ни размышленьемъ,
Ни долгой жизнью не дознать.
Я вѣрю, что настанетъ время
Тебѣ вознестся межъ людей
И сбросить вѣковое бремя
Съ судьбы таинственной своей.
И новой жизнью, новой страстью,
Огнемъ, любовью, красотой

Подвинуть міръ въ путяхъ ко счастью
И взволновать его застой.

Н. Щербина.

НА УЛИЦѢ.

Вотъ бѣжитъ по тротуару
  Моего сосѣда дочь,
Стройный станъ, коса густая,
  Глазки черные какъ ночь.
Въ платьѣ старенькомъ, въ дырявой
  Кацавейкѣ на плечахъ,
    Знать съ лекарствомъ изъ аптеки
Пузырекъ несетъ въ рукахъ.
  Ужь давно недугомъ тяжкимъ
Бѣдный мой сосѣдъ томимъ
  И давно столяръ—хозяинъ
Замѣнилъ его другимъ.
  Дочь бѣжитъ, дрожа отъ стужи,
А на плиты яркій свѣтъ
  Бьетъ волной изъ магазиновъ —
И чего, чего въ нихъ нѣтъ!
  Серебро, хрусталь и бронза,
Ленты, бархатъ и атласъ —
    И прохожіе отъ оконъ
  Отвести не могутъ глазъ.

*

Хоть и холодъ погоняетъ
И домой пора давно,
А съ толпой остановилась
Поглядѣть она въ окно.
Перетянута въ корсетѣ,
Иностранка за столомъ
Что то пишетъ... Чай, тепло ей,
Хорошо въ житьѣ такомъ!
. . . .
И невольно защемила
Сердце дѣвичье тоска;
Видно вспомнила бѣдняжка
Про больнаго старика.
И пошла въ свой уголъ темный,
Въ свой сырой, могильный склепъ,
Гдѣ слезами обливаютъ
Ребятишки чорствый хлѣбъ.
Мать сидитъ и дни и ночи
Надъ работой заказной,
Чуткій слухъ свой напрягая:
Не застонетъ ли больной.
Гдѣ, лохмотьями прикрытый,
На полу лежитъ отецъ,
Съ неподвижнымъ, тусклымъ взоромъ.
Желтый, словно какъ мертвецъ.
Вотъ она ужь близко дому,
Но при свѣтѣ фонарей
Видитъ вдругъ—красивый баринъ
Очутился передъ ней.
Онъ глядитъ ей смѣло въ очи...
И глядитъ не въ первый разъ!

Гдѣ-бъ она ни приходила —
Съ нимъ встрѣчается тотчасъ.
И не разъ она слыхала
Отъ него такую рѣчь:
Полюби!—тебя я стану
Холить, нѣжить и беречь.
Будешь ѣздить ты въ каретѣ,
Будешь въ бархатѣ ходить,
Ка̀къ пойдетъ къ твоей головкѣ
Жемчуга̀ большаго нить.
Знатной барыней ты будешь
И семью твою тогда
Перестанетъ въ жосткихъ лапахъ
Мять сердитая нужда.
Хоть и прочь она бѣжала
Отъ лукавыхъ тѣхъ рѣчей,
Но потомъ онѣ звучали
Ей порой въ тиши ночей.
И теперь, домой вернувшись,
Молчалива и грустна,
Долго думала о чемъ то
И вздыхала все она...

А. Плещеевъ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ «НЕСЧАСТНЫЕ».)

—

Тяжелъ мой крестъ: уединенье,
Преступной совѣсти мученье,
Нужда, недуги. Говорятъ,
Къ цвѣтущей юности возвратъ
Подъ старость намъ одно спасенье,
Отрада вѣрная. «Живи,
Покуда кровь играетъ въ жилахъ,
А станешь старѣться, парви
Цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,
И ими сердце обнови»..
И я попробовалъ... но чтоже?
Душа по прежнему нѣма,
И съ одичалаго ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый Боже!
Ужели долгая тюрьма,
Ограбивъ сердце безъ пощады,
Душѣ моей не дастъ отрады
Въ воспоминаньи юныхъ лѣтъ?
Иль точно тамъ отрады нѣтъ?...
Увы! тамъ душно, тамъ пустыня.
Любя, прощая, чуть дыша,
Тамъ угасаетъ, какъ рабыня,
Святая женская душа.

Переступить порогъ не смѣя,
Тоски и ужаса полна,
Такъ вянетъ сказочная фея
Въ волшебномъ замкѣ колдуна.
Воображенье прихотливо
Рисуетъ ей другіе дни:
Въ чертогахъ, убранныхъ на диво,
Горятъ вѣнчальные огни;
Невѣста ждетъ, женихъ приходитъ —
И рѣчь его тиха, нѣжна...
Гдѣ умъ красавицы не бродитъ,
Чего не думаетъ она?
Ликуетъ день, щебечутъ птицы,
Красою блещутъ небеса,
Доходятъ до дверей темницы
Любви и воли голоса, —
Но ей нѣтъ воли, нѣтъ отрады.
Не нужно камней дорогихъ,
Возьмите пышные наряды!
Гдѣ мать? гдѣ сестры? гдѣ женихъ?
Гдѣ няня съ пѣсенкой и сказкой?
Никто не сжалится надъ ней
И только докучаетъ лаской
Противный старый чародѣй.
Но нѣтъ!... она любить не станетъ,
Скорѣй умретъ... Уходитъ онъ
И въ гнѣвѣ подданныхъ тиранитъ.
Кругомъ проклятья, вопли, стонъ...
Но въ сказкѣ витязь благородной
Придетъ волшебника убьетъ
И клочья бороды негодной,

Къ ногамъ красавицы свободной,
Съ рукой и сердцемъ принесетъ.
А здѣсь?...

Рога трубятъ ретиво,
Пугая ранній сонъ дѣтей,
И воютъ псы нетерпѣливо...
До солнца сѣли на коней —
Ушли... орды вооруженной
Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ
И бѣдный домъ, какъ осажденный,
Свободно переводитъ духъ.
Мѣняя быстро постъ невольный
На празднословье и вино,
Спѣшитъ забыться рабъ довольный.
Но есть одна: ей все равно!
Въ ея душѣ свѣтлѣй не станетъ
Все тотъ же мракъ, все тотъ же гнетъ:
И сонъ перерванный не манитъ
И утро къ жизни не зоветъ.
Скорѣй, затворница нѣмая,
Рыданьемъ душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди!...

Н. Некрасовъ.

---

* *
*

Пала ты, какъ травка полевая,
Подъ рукой искуснаго косца
И, ему себя вся отдавая,
Для него съ любовью умирая,
Ароматъ свой льешь ты до конца...

А ему и небо помогаетъ
Наслаждаться гибелью твоей:
Тучъ своихъ оно не посылаетъ
И твое паденье орошаютъ
Только слезы изъ моихъ очей.

Н. Добролюбовъ.

ЖЕНЩИНѢ.

Когда душа во мнѣ кипѣла,
Когда она, презрѣвъ судьбу,
Рвалась изъ тѣснаго предѣла
На свѣтъ, на волю, на борьбу; —
Зачѣмъ тогда не укротила
Ты духъ мой пылкій и слѣпой,

Чтобъ даромъ не погибла сила
 Въ борьбѣ безплодной и пустой.

Когда тоскливый, безпокойный,
 Безъ цѣли, вдаль отъ суеты,
То мчался я по степи знойной,
 То лѣзъ на снѣжные хребты; —
Зачѣмъ, звѣздою путеводной,
 Ты не сіяла предо мной?
Быть можетъ, гордый и свободный,
 Нашелъ бы я мой путь прямой...

Когда, отъ жизни уставая,
 Въ нетрезвомъ полузабытьи,
Я говорилъ: «о, жизнь пустая,
 О силы прежнія мои»! —
Зачѣмъ отрадно благодатный
 Меня тогда не разбудилъ
  Твой голосъ, сердцу вѣчно внятный
 И падшихъ силъ не освѣжилъ?

Когда лампаду трудовую,
 Какъ рабъ нужды, зажегъ я вновь
  И проклиналъ страну родную
 Безъ вѣры въ славу и любовь. —
  Зачѣмъ, когда лампада гасла,
 Не ты пришла, и въ поздній часъ,
  Какъ другъ, спасительнаго масла
 Не ты влила, чтобъ свѣтъ не гасъ?

Когда, по слякоти шагая
  Въ туманъ, я отличалъ едва
Себя отъ грязи—такъ больная
  Была туманна голова! —
Зачѣмъ отъ этого ненастья
  Ты разумъ мой не сберегла
И отъ постыднаго участья
  Своимъ участьемъ не спасла?

Но кто же ты? Къ кому упреки,
  Тебя я съ раннихъ лѣтъ не зналъ;
Не ты давала мнѣ уроки,
Когда я по складамъ читалъ;
  Не ты любить меня учила,
  Когда безумно я любилъ,
Не ты меня благословила
  Бороться до утраты силъ.

Шли годы. Съ упованьемъ тайнымъ
  Разстался я,—къ чему жъ теперь
Видѣньемъ свѣтлымъ, но случайнымъ
  Ты къ старику стучишься въ дверь?
И слезы поздніе роняя,
  Мнѣ шепчешь: «о, какъ ты грѣшилъ,
Какъ низко падалъ!—Но, святая,
  Гдѣ ты была, когда я жилъ?...

Я. Полонскій.

СЛОВО ЮНОШѢ.

Пока ты юнъ—и рѣчью правой
  Твои украшены уста,
И чистъ твой помыслъ нелукавый,
  А въ немъ добро и красота...
Потомъ, при мысли примиренья
  Съ необходимымъ жизни зломъ,
Ты ограничишь ихъ значенье
  Съ наукой опытомъ знакомъ.
Ты въ рядъ войдешь своекорыстныхъ
  Небратій братіи твоей
И позабудешь раны присныхъ
  И участь будущихъ людей...
Но знай впередъ, что *примиренье*,
  Какъ сна исполненная тьма,
    Коснѣть заставитъ поколѣнья
Во имя здраваго ума,
  И стань на вѣкъ подъ стягъ благаго
Противу ложнаго всего —
  И да прозябнетъ это слово
На нивѣ сердца твоего!

Н. Щербина.

ДЕМОНУ.

Гдѣ ты, мой старый мучитель,
Демонъ безсонныхъ ночей?
Сбился я съ толку, учитель,
Съ братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя —
Пламя пылаетъ сильнѣй,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Такъ глубоко ненавижу,
Такъ безкорыстно люблю!

Нынче я все понимаю,
Все объяснить я хочу,
Все такъ охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу

Что̀ же со мною случилось?
Какъ разгадаю себя?
Все бы тотчасъ объяснилось
Да не докличусь тебя!

Способу ты не находишь
  Сладить съ упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
  Что ужь доволенъ ты мной?...

Н. Некрасовъ.

УМѢРЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Во всемъ поборникъ примиренья
  И убѣжденій крайнихъ врагъ, —
О чемъ ни шло бы разсужденье,
  Сперва онъ скажетъ: «это такъ»
Но чтобъ придать своимъ бесѣдамъ
  Для всѣхъ равно пріятный тонъ,
За этимъ *такъ*, однакожъ, слѣдомъ
  Навѣрно *но* прибавитъ онъ.
Скажите вы ему, что вѣчно
  У насъ идетъ все кое-какъ, —
Ужь онъ отвѣтитъ вамъ конечно,
  Насупивъ брови,—*это такъ;*
Но все жъ, въ сравненіи съ Востокомъ,
  Шагаемъ быстро мы впередъ...
И фразъ заученныхъ потокомъ
  Онъ эту новость разовьетъ.
Другіе скажутъ: въ просвѣщеньи
  У насъ что̀ годъ, то новый шагъ —

Онъ и на это, въ размышленьи,
  Отвѣтитъ важно: *это такъ;*
Но все же съ Западомъ развитымъ,
  Когда сравнимъ мы бытъ родной...
И къ доказательствамъ избитымъ...
  Сейчасъ мудрецъ прибѣгнетъ мой.
И еслибъ вы ему, читатель,
  Смѣясь, сказали: вы чудакъ! —
Я полагаю, мой пріятель
  Вамъ отвѣчалъ бы: *это такъ;*
Но все жъ, въ сравненіи съ другими,
  (Вѣдь чудаками полонъ свѣтъ...)
И онъ софизмами плохими
  Свой разукрасилъ бы отвѣтъ...
Коснемся ль дѣлъ сего витіи —
  Они на тотъ же образецъ...
За чтожъ о немъ твердятъ иные,
  Что онъ практическій мудрецъ?
Какъ будто очень благородно
  И чрезвычайно мудрено
Пробалансировать свободно
  Всю жизнь свою межъ *такъ* и *но.*

ОСТОРОЖНО!

Я свой вѣкъ прожилъ спокойно,
  Ни когда не зналъ напасти;

Потому что жилъ пристойно,
Подчинялъ разсудку страсти.
Съ этой гласностью бѣдовой
Жить хоть трудно, но возможно,
Надо только помнить слово:
Осторожно! Осторожно!
Чтобъ не выказаться страннымъ,
Не прославиться отсталымъ,
Можно быть себѣ гуманнымъ,
Прогрессистомъ, либераломъ.
Встрѣтивъ зло въ мѣстахъ и лицахъ,
Обличать, пожалуй, можно...
Разумѣется, въ границахъ:
Осторожно! Осторожно!
Можно вслѣдъ идти за вѣкомъ
И остаться не въ изъянѣ,
Слыть честнѣйшимъ человѣкомъ
Съ благодарностью въ карманѣ...
Осуждая громко взятки,
Втихомолку взять возможно—
Разумѣется, въ порядкѣ,
Осторожно, осторожно!
На правахъ старинныхъ пана,
Несмотря на воспрещенье,
Можно русскаго мужлана
И побить безъ разсужденья;
Только надо не безъ толку,
Съ разстановкой, не безбожно.
Этакъ скрытно, втихомолку,
Осторожно, осторожно!
Можно глупымъ бытъ ужасно

И прослыть за разумъ, геній,
Лишь не надо слишкомъ ясно
Выставлять своихъ сужденій...
Говорить весьма пріятно
О вопросахъ жизни можно,
Только такъ, чтобъ непонятно...
Осторожно, осторожно!
Надо знать на все манеры...
Словомъ, дѣлать все покуда
Съ соблюденьемъ должной мѣры:
И добро и вмѣстѣ худо...
Все, что̀ старо и что̀ ново
Совмѣстить отлично можно,
Только надо помнить слово:
Осторожно! Осторожно!...

В. Стародубскій.

ЛѢВОЙ — ПРАВОЙ.

Свѣжъ, завитъ, причесанъ гладко,
Въ парикѣ съ двойнымъ проборомъ,
Улыбается такъ сладко,
Мило занятъ разговоромъ.
Въ чистыхъ, дѣвственныхъ перчаткахъ
И въ услугахъ безконеченъ,
Онъ начальствомъ въ безпорядкахъ

Никогда не былъ замѣченъ.
Съ нимъ молчанье неразлучно,
Но за то, какъ воинъ бравый,
Онъ, гдѣ нужно, крикнетъ звучно:
Лѣвой–правой, лѣвой правой!...
Кавалеромъ бывши дамскимъ,
Чуждъ онъ моднаго трезвона
И обѣдаетъ съ шампанскимъ
Постоянно у Донона;
Свѣта высшаго скиталецъ,
Знаетъ точно онъ науку,
Что̀ подать кому—гдѣ палецъ,
Гдѣ два-три, а гдѣ всю руку.
На бильярдѣ, кію вѣрный,
Подвизается со славой,
Ходитъ съ выправкой примѣрной—
Лѣвой–правой, лѣвой-правой!...
Трудъ считая лишней ношей,
Изо всей литературы,
Объ одной онъ Риголбоши
Перечитывалъ брошюры.
Аплодируя Ристори,
Больше чтилъ онъ Леотара
И чуждался въ шумномъ спорѣ
Полемическаго жара.
И въ прогрессѣ и въ наукѣ,
Передъ гласностью лукавой,
Умывалъ всегда онъ руки—
Лѣвой-правой, лѣвой-правой!...
Былъ всегда онъ скромно-веселъ
И—поклонникъ всѣхъ балетовъ—

Въ бенефисъ бралъ пару креселъ
Для себя и для букетовъ.
Надъ ковромъ его кровати,
Съ увлеченіемъ поэта,
Муравьевой и Розатти
Два повѣшены портрета.
Онъ гордился безконечно
Межъ актрисъ почетной славой,
Но принципъ его сердечный—
Лѣвой-правой, лѣвой-правой!...
Безъ душевныхъ бурь и ломки,
Онъ судьбой своей утѣшенъ;
Подъ надзоромъ экономки,
Сонъ его всегда безгрѣшенъ.
Подъ атласнымъ одѣяломъ
Грезитъ онъ—сны ясны, тихи—
О невѣстѣ съ капиталомъ,
О стотысячной купчихѣ.
Лишь порой, въ просонкахъ, громко
Крикнетъ въ позѣ величавой
Такъ что вздрогнетъ экономка:—
Лѣвой-правой! Лѣвой-правой.

Д. Минаевъ.

НА СМЕРТЬ ОСОБЫ.

Печальный вѣстникъ смерти новой,
Въ газетахъ черный ободокъ

Не будитъ горести суровой
Вь душѣ исполненной тревогъ.
Въ какомъ то радостномъ волненьи
Я каждый разъ внимаю вѣсть
О томъ, что въ старомъ поколѣньи
Еще успѣла жизнь отцвѣсть...
Чьей смерти прежде трепеталъ я,
Тѣхъ стариковъ ужь нѣтъ давно;
Что въ старомъ мірѣ уважалъ я,
Давно все мной схоронено...
Ликуй же смерть въ странѣ унылой,
Все въ ней отжившее рази—
И знамя жизни надъ могилой,
На грудахъ труповъ водрузи!

Н. Добролюбовъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ: «КУЛАКЪ».

I.

Добычи рыночной остатокъ,
Давно Лукичъ (*) рублей десятокъ

(*) *Лукичъ*—кулакъ, герой поэмы. Въ нашемъ отрывкѣ мы выбрали тотъ важный по своему житейскому смыслу, моментъ, когда въ бездушномъ торгашѣ пробуждаются человѣческія чувства при видѣ неостывшаго трупа его жены.

Прим. изд.

Въ жилетѣ плисовомъ берегъ.
Теперь вотъ зять ему помогъ:
На все достало, слава Богу!
Купилъ онъ ладону, свѣчей,
Изюму, меду, калачей,
Вина—конечно понемногу;
Поденьщиковъ приговорилъ
Могилу рыть и гробъ купилъ.
Принесъ его въ свою избушку,
Перекрестился, крышку снялъ,
На днѣ холстину разостлалъ,
Съ молитвой положилъ старушку,
Съ молитвою свѣчу зажегъ—
И сѣлъ въ раздумьи въ уголокъ.
Курился ладонъ. Все молчало,
Играло солнце на стѣнѣ,
Бѣлѣлись свѣчи на окнѣ,
Стекло алмазами сверкало.
Старушка, мнилося, спала:
Такъ въ гробѣ хороша была!
«Вотъ—думалъ онъ—вотъ жизнь то наша!
Недаромъ сказано, что цвѣтъ
Ногою смялъ—его и нѣтъ.
Умру и я, умретъ и Саша (*)
И ни одна душа потомъ
Меня не вспомнитъ... Боже, Боже!
А вѣдь и я трудился тоже,
Весь вѣкъ, и худомъ и добромъ,

(*) Саша—дочь его.

Сбивалъ копѣйку... Зной и холодъ,
  Насмѣшки, брань, укоры, голодъ,
Побои—все переносилъ!
  Изъ за чего? Ну, что скопилъ?
Тулупъ остался да рубаха,
  А кралъ безъ совѣсти, безъ страха!
Охъ горе, горе! Вѣдь метла
  Годится въ дѣло! что же я то?
Что я то сдѣлалъ, кромѣ зла?
  Вотъ свѣчи... гробъ..., гдѣ это взято?
  Крестьянинъ, мужичокъ—бѣднякъ
    На пашнѣ потомъ обливался
И продалъ рожь... а я, кулакъ,
  Я пьяница, не побоялся,
    Не постыдился никого,
Какъ воръ безсовѣстный обмѣрилъ,
  Ограбилъ, осмѣялъ его —
И смертной клятвою увѣрилъ,
  Что я не плутъ...
А вѣдь и я добро любилъ
  Оно вѣдь дорого мнѣ было!
И смѣлъ и молодъ, помню, разъ
  Въ грозу и непогодь весною
Я утопающаго спасъ.
  Когда онъ, съ мокрой головою,
Нагой, на берегу лежалъ,
  Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ —
 Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
  И радостно перекрестился!

. . . .

И голову онъ опустилъ,
И—задушить его готова —
Вся мерзость, прожитая снова,
Съ укоромъ грознымъ, передъ нимъ
Стояла призракомъ нѣмымъ
Бѣднякъ, бѣднякъ! печальной доли
Тебя урокъ не вразумилъ,
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ
И путь иной тебѣ возможенъ,
Что ты, добра живой сосудъ,
Не совершенно уничтоженъ;
Ты плакалъ и на помощь звалъ...
Подхваченный нужды волнами,
Въ послѣднiй разъ взмахнулъ руками —
И въ грязномъ омутѣ пропалъ!

II.

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Сидѣлъ я, грустный, за столомъ
Подъ гнетомъ думъ, ночной порою.
И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы можетъ быть идти; —
Но я избралъ иную долю,
Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ.

Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно,
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой;
Во благо ль? Небесамъ извѣстно...
Но блага я просилъ у нихъ!
Не ради шутки, не отъ скуки
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ,
Я воплощалъ боль сердца въ звуки.
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака.
Мой братъ! Никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя, —
Пройдетъ, быть можетъ посмѣется,
Потѣху пошлую любя...
Ты сгибъ. Но велика ль утрата?
Васъ много. Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта,
Когда зародыши добра,
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ,
Когда минётъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка —
Добра божественный сосудъ?...

И. Никитинъ.

НА ВОЛГѢ.

(Отрывокъ.)

О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ,
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужь я не тотъ; но ты свѣтла
И величава какъ была.
Кругомъ все та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь
На острову, среди песковъ,
И даже трепетъ прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ.
Все тоже, тоже... только нѣтъ
Убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ...
Ужь скоро полдень. Жаръ такой,
Что на пескѣ горятъ слѣды,
Рыбалки дремлютъ надъ водой,
Усѣвшись въ плотные ряды;
Куютъ кузнечики, съ луговъ
Несется крикъ перепеловъ. .

. . . .

Въ какихъ то розовыхъ мечтахъ
Я позабылся. Сонъ и зной
Уже царили надо мной,
Но вдругъ я стоны услыхалъ
И взоръ мой на берегъ упалъ.

Почти пригнувшись головой
  Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
  Ползли гурьбою бурлаки
И былъ невыносимо дикъ
  И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный похоронный крикъ —
  И сердце дрогнуло во мнѣ.
О, Волга, колыбель моя!
  Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ, по утреннимъ зорямъ,
  Когда еще все въ мірѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
  По темно-голубымъ волнамъ
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
  Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
  Брожу съ ружьемъ по островамъ.
То, какъ играющій звѣрокъ,
  Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
  Бѣгу, бросаю камешки
И пѣсню громкую пою
  Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать былъ готовъ,
  Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ —
  И не ушелъ бы никуда,
Когда бъ, о Волга! надъ тобой
Не раздавался этотъ вой!
Давно—давно, въ такой же часъ,

Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ;
Я знать хотѣлъ, что̀ значитъ онъ —
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котелъ съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костеръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
—Когда то въ Нижній попадемъ?
Одинъ сказалъ:—Когда бъ попасть
Хоть на Илью... «Авось придемъ»
Другой съ болѣзненнымъ лицомъ
Ему отвѣтилъ:—«Эхъ, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянулъ бы лямку какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть —
Такъ лучше было бы еще!..»
Онъ замолчалъ и навзничь легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ,
Но тотъ, который ихъ сказалъ,
Угрюмый, тихій и больной,
Съ тѣхъ поръ меня не покидалъ!
Онъ и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно—безнадежный взоръ...
Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ —

У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что̀ видѣлъ и во снѣ
О томъ, что разсказали мнѣ,
Я бредилъ. Няню испугалъ:
«Сиди, родименькій, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убѣжалъ.
Богъ вѣсть, что̀ сдѣлалось со мной?
Я не узналъ рѣки родной:
Съ трудомъ ступаетъ на песокъ
Моя нога: онъ такъ глубокъ;
Ужь не манитъ на острова
Ихъ ярко-свѣжая трава,
Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
Зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
И говоръ тѣхъ же самыхъ волнъ
Иною музыкою полнъ!
О горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!...

Н. Некрасовъ.

НАШЪ ОЛИМПЪ.

Низко наше небо;
Надъ землей оно
  Тяжело нависло,
Мутно и темно.
  Негдѣ разъиграться
Сладостнымъ мечтамъ,
  Не откуда взяться
Свѣтлымъ божествамъ.
  Но въ лѣсахъ дремучихъ,
Въ омутахъ рѣчныхъ,
  Подъ землей въ болотахъ,
Много духовъ злыхъ.
  Ихъ нечистой силой
Связанъ нашъ народъ;
Имъ онъ, полный страха,
Почесть воздаетъ.
  Если жъ и подниметъ
Взглядъ свой къ небесамъ,
  Все столбы да змѣи
Грозно ходятъ тамъ.

Н. Добролюбовъ.

* * *

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи —
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ...

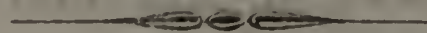
Н. Некрасовъ.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой:
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья,—хочу быть вашимъ,
На трудъ и битву я готовъ,

Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
  Живое дѣло вмѣсто словъ.
Но если нѣтъ,—мое презрѣнье
  Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
  Опять права свои возьметъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной
  Иль въ мірѣ съ пошлостью людской; —
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
  Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я—работа наша
  Ужь пилигримовъ новыхъ ждетъ
И не минетъ святая чаша
  Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ!

Н. Добролюбовъ.

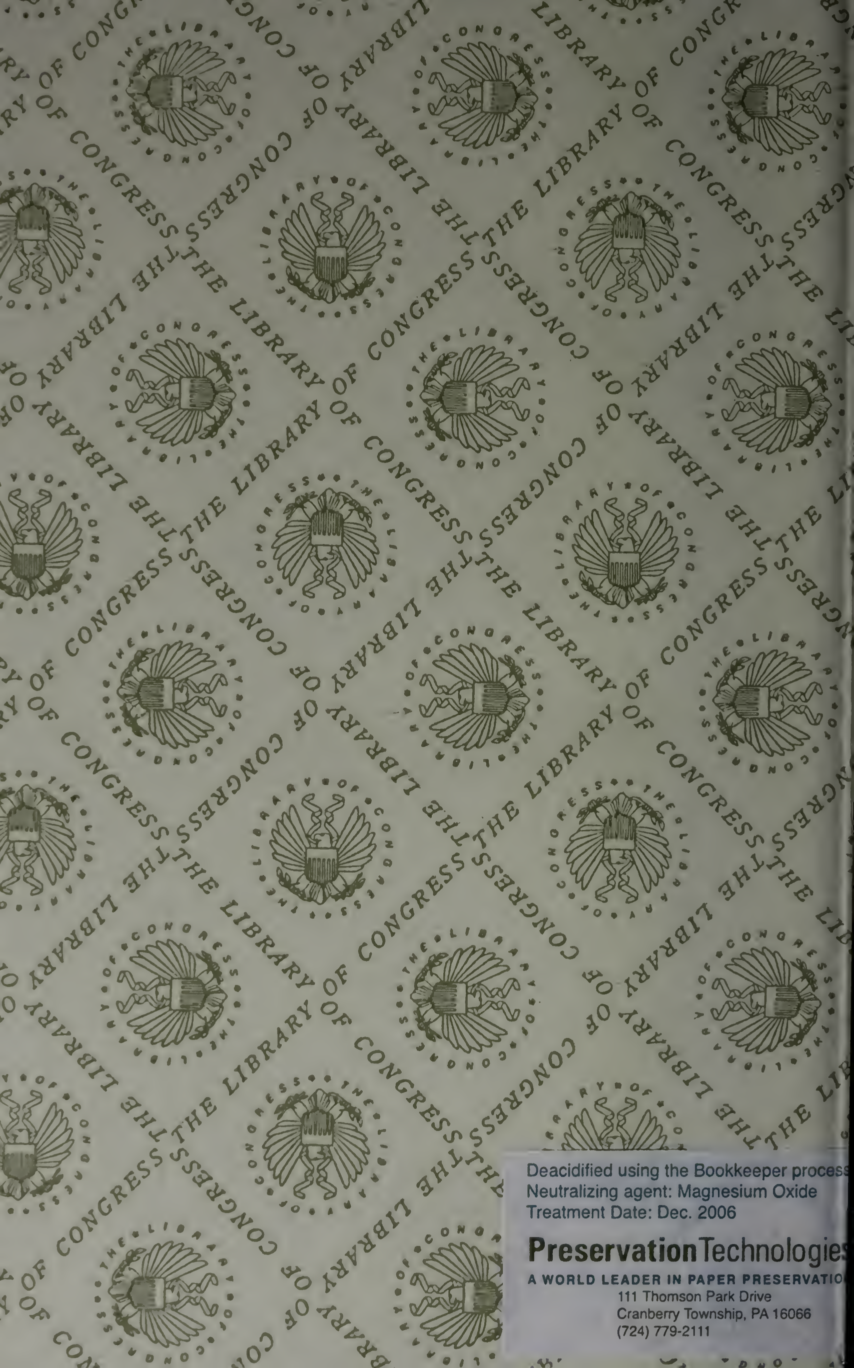
ОГЛАВЛЕНІЕ.

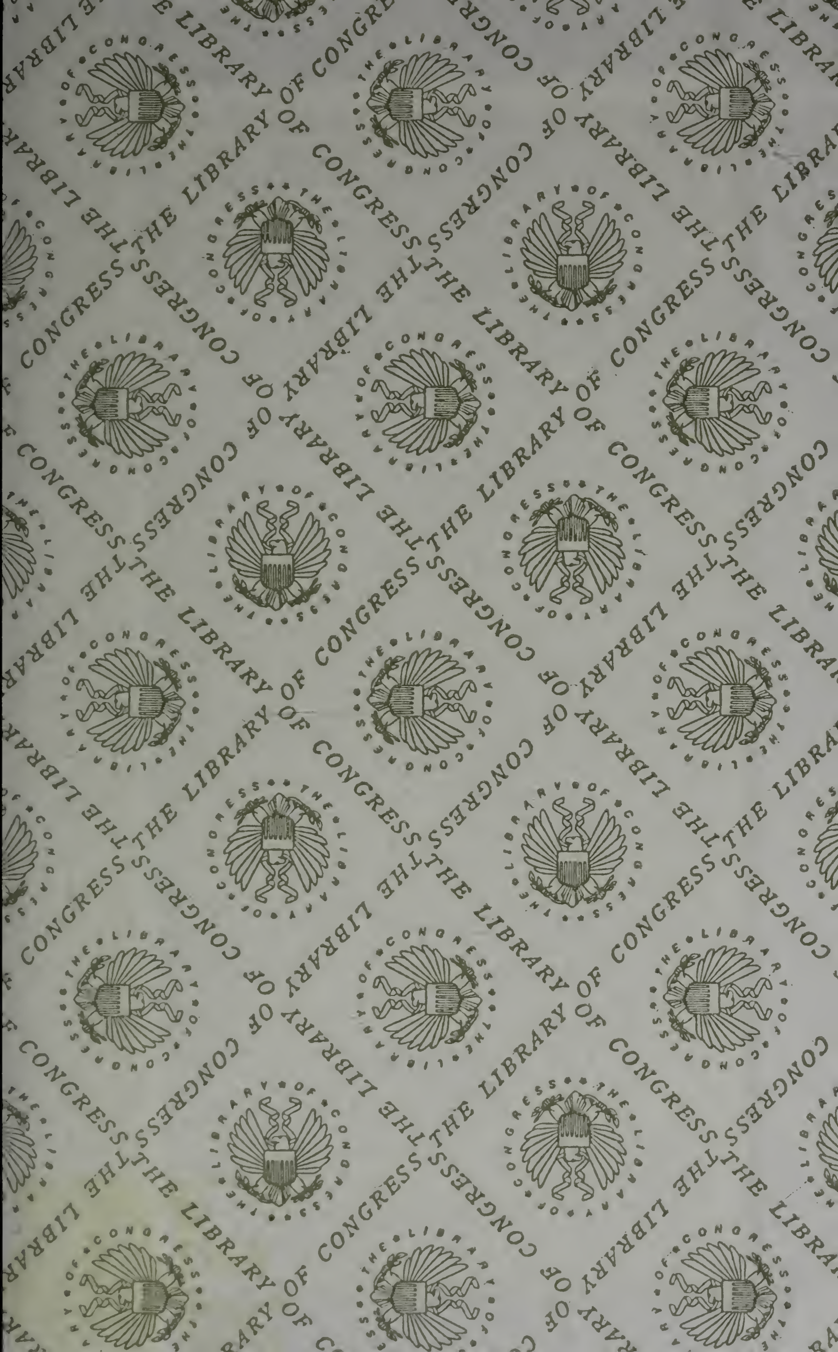


кой. «Посланіе» къ друзьямъ; знакомство съ театромъ. Вступленіе въ московскій университетъ и начало занятій философіей. Философскій кружокъ, его значеніе и характеръ. Рожалинъ и Кирѣевскій. Первая любовь; знакомство съ Пушкинымъ. Переѣздъ въ Петербургъ, разлука съ любимой женщиной и ея гибельное вліяніе. Скептицизмъ, упадокъ силъ и признаки возрожденія. Конечное пораженіе организма; смерть поэта.—*Глава II.* Толки о Веневитиновѣ послѣ его смерти; ихъ общій недостатокъ. Философскія заслуги Веневитинова; «письмо о философіи». Журнальная дѣятельность Веневитинова. Значеніе Московскаго Вѣстника въ ряду современныхъ ему журналовъ и краткій обзоръ исторіи журналистики въ Россіи. Критическая теорія Веневитинова, выразившаяся въ статьяхъ: о Борисѣ Годуновѣ, Евгеніѣ Онѣгинѣ, въ полемикѣ съ Мерзляковымъ и Полевымъ. Веневитиновъ, какъ поэтъ; его мѣсто въ исторіи русской литературы. Общественное значеніе Веневитинова. Нѣсколько словъ отъ редактора изданія.

Цѣна 50 к.

на пересылку за 1 фунт.


THE LIBRARY OF CONGRESS
Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111


THE LIBRARY OF CONGRESS